

Связь и связисты Урала в период гражданской войны (1918 - 1921 гг.) - часть II

В ноябре 1918 г. на Урале утвердилась военная диктатура Колчака. Внимание к вопросам связи усилилось, и мобилизационные методы управления сетями и линиями электросвязи заметно возросли. В развитии инфраструктуры предполагалось провести ряд срочных мер по расширению транспорта, особенно водных путей, строительству железных дорог. Эти меры требовали серьезной реконструкции всего хозяйства связи, и в первую очередь расширения пропускной способности телеграфов. К сожалению, у колчаковского руководства не хватало времени и сил, чтобы осуществить эти планы. Единственным методом решения всех вопросов развития связи остался один – дальнейшая милитаризация отрасли. С конца 1918 г. связь на Урале была полностью переведена на военный режим работы. Линии связи переходили под контроль военных комендантов населенных пунктов, а в почтово-телеграфные конторы были назначены специальные офицеры связи, которые следили за порядком и политическим климатом в коллективах работников. За порчу оборудования налагались суровые наказания по законам военного времени. Действия офицеров связи по отношению к связистам отличались суровостью, любые жалобы рассматривались, как «либерализм и красная пропаганда». Все работники связи состояли на учете военных комендатур и проходили военное обучение по месту службы.

В целом, эффективность этих мер оставалась невысокой. Линии электросвязи нуждались в капитальных ремонтах, а для этого у правительства Колчака не было средств. Достаточно отметить, что из-за острой нехватки материалов, в устройстве линий широко применялись суррогатные средства: печная и колючая проволока, с которой предварительно счищались колючки, деревянные изоляторы и др. Вопросы развития связи, традиционно, отступили на задний план по сравнению с восстановлением железных дорог. Летом 1919 г. мощное наступление "красных" на Урале повлекло очередную эвакуацию средств связи. Эвакуация средств связи белых проходила более организованно, чем эвакуация "красных" в 1918 г., но, также привела к полной дезорганизации почтовой, телефонно-телеграфной, радиосвязи края.

Аналогичные методы восстановления связи широко применяли и "красные". После ухода "белых" учреждения связи оказались разгромленными. «Белые унесли все, оставив голые стены, - писали начальники уральских губернских отделов в Москву летом 1919 г., – все телефонно-телеграфные сети разрушены. В конторах нет даже канцелярских принадлежностей, не говоря уже о шкафах для сортировки писем, почтовых вагонов, фуража для лошадей. Открыть действие по каким-либо операциям и направлениям – невозможно». Сложной оставалась и кадровая проблема: из 103 служащих Екатеринбургской почтово-телеграфной конторы с "белыми" уехали 100 работников. На всю Екатеринбургскую губернию осталось только 300 сторожей, почтальонов, в Тюменской и Уфимской губерниях - менее сотни. Учреждения связи Оренбургской губернии – вообще обезлюдили. У "красных" не осталось ни одного инженера и техника. О развале средств связи на Урале летом 1919 г. говорит примечательный факт: сообщения уездных и губернских центров оставались случайными, посредством командировочных или прибывших товарищей. Срочная связь Москвы и Сибири через Урал осуществлялась по радио, поскольку проводная связь действовала с большими перебоями.

Из-за отсутствия оперативной информации с мест и неспособности донести ее до волостных советов, губернские центры не могли наладить нормальное управление в уездах. К этому добавим, что центр требовал быстрого восстановления связи. Наркомат почт и телеграфов не мог оказать действенной материальной помощи, но постоянно "давил" на губернские отделы связи уральского региона. Это объяснялось тем, что во второй половине 1919 г. Восточный фронт отодвинулся в Сибирь, и Урал опять стал транзитным узлом информационного обмена всей страны.

Восстановление отрасли началось с решения кадровых вопросов. В 1919 – 1920 гг. губернские отделы связи Урала провели серию трудовых мобилизаций. Первая из них прошла уже летом 1919 г. Разрешение на нее дал Наркомат почт и телеграфов после настойчивых просьб всех уральских губернских исполкомов. Тогда местные власти просили о срочной посылке на Урал нескольких сот связистов из центральных губерний. Уфимские руководители вообще поставили ультиматум: срочный перевод в Уфимскую губернию 155 телеграфистов. В противном случае, связь на Южном Урале может быть остановлена. Трудовые мобилизации и приезд связистов из других областей позволили сгладить количественный недостаток рабочей силы в учреждениях связи. К концу 1920 г. количество работающих в конторах и отделениях Урала превышало штаты 1916 г. на 110-116%, и только в Оренбургской губернии, наиболее пострадавшей в годы гражданской войны, штаты связистов составляли 63% от дореволюционных.

Сложной проблемой этого времени оставалась острая нехватка телефонно-телеграфного парка, технологический износ действующих аппаратов, трансляций и проводов, постоянные аварии. Власть пыталась решить проблемы недостатка аппаратуры и низкой пропускной способности телеграфов путем усиления распределительных методов: введением пословых и иных лимитов для госорганов на услуги связи и запретом на ее пользование для населения. Были усилены и административные меры по контролю за дисциплиной трудовых коллективов учреждений связи. На

наш взгляд, эти меры знаменовали пик политики военного коммунизма в отрасли.

В 1920 г. специальным декретом СНК вводились жесткие лимиты на пользование телеграфом для всех госструктур советской республики. Одновременно отменялись и оплата услуг электросвязи. Каждое предприятие получало суточный лимит слов, которые оно могло передать по экстренной связи. Лимиты устанавливали региональные власти и утверждались Наркоматом почт и телеграфов. Эта мера позволила навести некий порядок в передаче информации. Вместе с тем, она породила и новые проблемы, в частности, ожесточенную войну между региональными структурами за право первоочередного пользования средствами связи. Фактически услугами телеграфа стал пользоваться тот, кто в данный момент был сильнее.

Так, в январе 1922 г. Губком ВКП(б) Пермской губернии самовольно увеличил месячную норму передачи своей корреспонденции с 2 до 6 тыс. слов. В апреле, из-за многочисленных протестов, вынужден был ее снизить вдвое. Это, по мнению партийного руководства, заметно ухудшило руководство губернией. В мае Губком вновь самовольно вернулся к мартовской норме, что вызвало новую войну за право пользования телеграфом. Особенно яростно боролись за пересмотр норм пословных передач армейские органы и милиция. Они самовольно увеличивали утвержденные лимиты под угрозой ареста работников учреждений связи. В результате, телеграммы многих госорганов сутками лежали без движения или посылались почтой. Такая же ситуация наблюдалась и на других телеграфах края.

Еще одним мобилизационным методом стало усиление политического контроля за трудовыми коллективами связистов. Осенью 1920 г. НКПиТ ввел должности политических комиссаров в учреждениях связи. Вместе с чекистами, политкомиссары осуществляли контроль за передачей секретной корреспонденции, решали все конфликты между местными органами и администрацией учреждений связи, два раза в месяц писали отчеты о политической обстановке в коллективах почтово-телеграфных работников в ЧК и губернские отделы связи, раз в месяц – в НКПиТ. Во многих учреждениях связи политкомиссары стали брать на себя административные функции, «подняли» под себя профсоюзные активы, и даже администрацию. При этом они не несли никакой ответственности за производственные срывы.

В ходе реорганизации и сокращения штатов, которые проходили в отрасли в начале 1922 г., институт политкомиссаров был ликвидирован. Наркомат рекомендовал использовать их на производственной работе, т.к. они имели хотя бы небольшую практику организации почтово-телеграфного дела. Почти все политические комиссары были уволены из ведомства, т.к. по общеобразовательному и культурному уровню не соответствовали минимальным квалификационным требованиям. Введение института политических комиссаров означало прямое сращивание партийных, военных и отраслевых органов и, также, стало показателем пика политики военного коммунизма в информационных коммуникациях

В заключение попытаемся рассмотреть вопрос об эффективности мобилизационных мер в отрасли в период гражданской войны.

Как отмечалось выше, мобилизационные меры позволили решить вопрос количественного обеспечения отрасли трудовыми ресурсами и наладить сносный поток информации по магистральным линиям передач. При этом, к концу гражданской войны, до 70% служащих НКПиТ составляли неквалифицированные работники, в т.ч. треть их была вообще неграмотна, и могли использоваться только как сторожа, грузчики, разносчики телеграмм.

"У нас полное безлюдье, - сетовал В.Н. Подвойский, - общий уровень грамотности в ведомстве настолько низкий, что мы не можем выделить из них самого ничтожного числа для замещения руководящих постов". Такая же картина наблюдалась и на Урале. В Екатеринбургской губернии в 1920 г. работало 2,7 тыс. связистов (т.е. в полтора раза больше, чем до гражданской войны), при этом 48 % из них, не знали грамоты. На всю губернию насчитывалось всего 5 механиков. В других уральских губерниях четыре пятых служащих составляли неграмотные или неквалифицированные кадры.

При росте штатов передача даже важной информации осуществлялась с большими перебоями. В конце гражданской войны Пермская и Екатеринбургская губернии смогли обеспечить общее развитие почтовых сообщений до 80% от уровня 1916 г., а по телеграфии всего до 27-30%. Вятская губерния по показателям почтово-телеграфного обмена имела 50% от дореволюционного уровня. Телеграфные линии имели менее половины пропускной способности дореволюционных магистралей, поскольку являлись «временками».

На протяжении гражданской войны наблюдалось падение производительности труда и лавинообразное нарастание аварий. Главной причиной являлись низкая квалификация кадров и постоянные обрывы ветхих проводов: даже небольшой ветер или дождь выводили из строя целые версты телефонно-телеграфных магистралей.

Наконец, несмотря на законы военного времени, жесткий контроль офицеров связи и

политкомиссаров, связисты находили много путей для использования служебного положения для собственной выгоды. Мы характеризуем это явление, как проявление специфических тактик выживания связистов в экстремальных условиях, и их ответом на мобилизационные механизмы в тылу, как белых так и красных.

Наиболее ярко это проявилось в возникновении нелегального информационного обмена между населением на территориях, разделенных фронтами. Любая связь с территориями противника пресекалась самыми жесткими мерами. Эту политику неукоснительно проводили и "белые" и "красные". Так, командующий Западно-Сибирским почтово-телеграфным округом Сибирского правительства Г. Иванов постоянно требовал немедленного прекращения любых телеграфных сношений с "красными", даже если техническое состояние линий позволяло это делать, аналогичные приказы дублировались и Омским правительством. Аналогичную политику проводили и большевики. Несмотря на угрозу расстрелов, связистам за оплату, регулярно передавали почтово-телеграфную корреспонденцию за линии фронтов. Это породило специфическое явление гражданской войны - нелегальный почтово-телеграфный обмен между фронтами. О масштабах нелегальных почтово-телеграфных операций говорит интересный факт. После освобождения г. Перми от "красных" в декабре 1918 г., шадринские и екатеринбургские купцы мгновенно наладили поставки крупных партий продовольствия в губернский центр Западного Урала, т.к. хорошо знали цены на пермских рынках.

Расширению практики «теневого обмена» способствовало и введение лимитов на передачу оперативной корреспонденции. Несмотря на пословные нормы и очередность передачи депеш, все связисты Урала передавали частную корреспонденцию за плату. По нашим неполным подсчетам, в конце гражданской войны до четверти телеграфного обмена Урала составлял "теневого" обмен, т.е. депеш частных лиц и государственных органов не по лимитам и очередности, а за натуральную оплату. Такие масштабы использования средств связи нецелевым способом означали серьезные издержки распределительной политики военного коммунизма. Если пословные лимиты не выполняли ни местные органы, ни сами связисты, ситуация с использованием информационных ресурсов выходила из под контроля центра и отражала затратные элементы мобилизационной экономики.

В заключение отметим, что несмотря на неэффективность мобилизационных механизмов, их противоречия и высокие издержки, милитаризация оставалась единственным вектором развития связи в ходе гражданской войны. Только на ее основе и "белые" и "красные" смогли наладить сносную работу сквозных магистралей для военно-правительственных нужд. Вместе с тем, в период непродолжительного господства "белых" на Урале, военно-административное принуждение применялось в меньших размерах, а экономические стимулы оставались заметно выше: зарплата и продуктовое снабжение в "белых" городах было лучше, а социальный статус инженера и почтово-телеграфного чиновника выше, чем у "красных". Гипотетически можно предположить, что и "белые" двигались по пути наращивания военно-принудительных мер в отрасли, но история не отпустила времени антибольшевистским режимам для реализации своих программ. Отметим, что "красные" получили первые положительные итоги работы в отрасли только во второй половине 1920 – начале 1921 гг., т.е. через полтора года после ухода белых.